

В.Д. Старычонак (Беларусь, Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка)

АНТРАПАМАРФІЧНЫЯ МЕТАФАРЫ Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Антрапамарфічныя метафары (грэч. *anthropos* ‘чалавек’, *morphe* ‘форма’) – метафары, якія развіліся па мадэлі «чалавек → птушкі, жывёлы, дрэвы, расліны, нябесныя целы, прыродныя з’явы і інш.». Надзяленне чалавечымі рысамі і якасцямі прадметаў жывой і нежывой прыроды (персаніфікацыя) мае доўгую гісторыю і сваімі каранямі ўзыходзіць да старажытных рэлігійных уяўленняў, традыцый тагачасных людзей, іх веры ў магічную сілу слова, яго здольнасць непасрэдным чынам уплываць на чалавека. Старажытнае табу – забарона ўжываць назвы жывёл у час палявання, іх замена сінонімамі і семантычнымі адпаведнікамі – было адным з важнейшых фактараў развіцця антрапамарфічных метафар.

Найбольш пашыранымі з пункту гледжання тэматычнай замацаванасці выніковага ЛСВ з’яўляюцца антрапамарфічныя найменні птушак і жывёл, кірунак сэнсавага развіцця якіх абмяжоўваецца суадносінамі «чалавек → птушка, жывёліна». Галоўнымі рэцыпіентамі такіх метафар з’яўляюцца назвы асоб з указаннем іх якасцей, рыс характару, тэмпераменту, прафесійнай дзейнасці і мн. інш. Напрыклад, пеўчая птушка часцей за ўсё атаясамліваецца з асобай, прафесійна звязанай са спевамі, з музыкай. Такогога роду антрапамарфічная скіраванасць назіраецца ў полісемантаў *спявак*, *пявун*, *пявуння*, *запявала*, *саліст*: *І нельга маўчаць спевакам — Шчыглам, берасцянкам, вясёлым драздам.* (Э. Агняцвет) *Лесзь сціхлі певуны лясныя, як падалі свае галасы спевакі ад ракі.* (К. Кірэенка) *Вось і птушка заспявала У зялёным гушчары — Самы смелы запявала І прадвесніца зары.* (П. Прануза) *На жэрдцы палац [шпакоўня], узвышаецца, у палацы саліст заліваецца.* (П. Чабор) Не зусім празрыстымі, але ўзнаўляльнымі па суадносінах зыходнага і вытворнага ЛСВ з’яўляюцца антрапамарфічныя неўзуальныя метафары *барабаничык* і *фанфарыст*: *І з высокай ліпы над дарогаю, Дзе раі падсцерагаў сусед, Барабаничыкі чырвананогія — Буслы Клёкат пасылалі ўслед.* (С. Фамін) *Алёшка расказвае свайму сябру шмат цікавага пра стракатых барабаничыкаў — дзятлоў.* (А. Якімовіч) *І пеўні, нястомныя фанфарысты — мірныя дні абвешчалі зноў.* (А. Вярцінскі)

Выразныя сэнсавыя ўзаемаадносіны паміж зыходным і вытворным ЛСВ назіраюцца ў метафарах-найменнях драпежнай птушкі (параўнанне з разбойнікам), смелай, непалахлівай птушкі (атаясамліванне з нахабнікам), пералётнай птушкі (параўнанне з выгнаннікам): *Нейкі звярок ці птушка трапілі ўжо у вострыя кіпцюры разбойніка [коршака].* (М. Парахневіч) *Праўда, гняздо пуставала нядоўга. Нахабнікі-верабы хутка заўважылі*

адсутнасць гаспадароў і занялі яго з крыкам і бойкай. (А. Пальчэўскі) *Гэтыя **выгнаннікі** яшчэ доўга кружыліся над вёскай, развітваючыся з ёй да новай вясны.* (М. Сталяроў) *Буслы-**выгнаннікі** недзе ў выраі.* (Р. Барадулін)

Не ўкладваюцца ў межы традыцыйных ўяўленняў і адносяцца да ліку індывідуальна-аўтарскіх суадносіны птушкі з парламенцёрам, з паслом, кватарантам: *Грак варонам стаў **парламенцёрам** — Ё дзюбе носіць белы ласкуток.* (В. Гарановіч) *Грак, **парламенцёр** вясны, зіме дыктуе ультыматум.* (А. Сербантовіч) *Слязязца вочы ў дымным поце, Ды — лепшага **паслы**, — Спікіраваўшы, на балоце Расхажваюць буслы.* (С. Гаўрусёў) *Так і пражылі буслы ўсю зіму **кватарантамі** ў гусей.* (А. Пальчэўскі)

Даволі часта ў антрапамарфічных найменнях адначасова фіксуецца ЛСВ ‘жывёліна’ і ‘птушка’, звычайна аб’яднаныя інварыянтнымі квалітатывымі семамі тыпу ‘прыгажосць’, ‘непаседліваць’, ‘хітрасць’: *прыгажун* ‘лось’ (Р. Няхай), ‘качар’ (Е. Лось), ‘цецярук’; *непасада* ‘сініца’ (М. Даніленка), ‘сарока’ (А. Асіпенка), ‘бусел’ (Р. Барадулін), ‘вавёрка’ (У. Краўчанка); *хітрун* ‘гарнастай’ (Р. Ігнаценка), ‘вожык’ (М. Калачынскі), ‘салавей’ (М. Капыловіч).

У многіх выпадках семантычная парадыгма полісемантаў уключае даволі значную колькасць ЛСВ, якія аб’яднаны не столькі семантычнай эпідыгматычнасцю, колькі агульнасцю семантыкі зыходных адзінак (часцей дзеясловаў і прыметнікаў), параўн.: *бадзяга* ‘вечер’ (І. Пракаповіч), ‘ліст дрэва’ (А. Зьонак), ‘месяц’ (М. Танк); *валацуга* ‘шкадлівая жывёліна’ (І. Сіняўскі, В. Каваленка), ‘гуллівы вечер’ (Н. Гілевіч, К. Жук), ‘хмара’ (М. Шаховіч); *вандроўнік* ‘вечер’ (Я. Колас, П. Броўка), ‘месяц’ (А. Астрэйка, А. Майсеенка), 3. ‘хмара’ (Т. Кляшторны); *вандроўніца* ‘хмара’ (Я. Колас), ‘зорка’ (В. Зуёнак), ‘вясна’ (М. Танк).

Усе ЛСВ субстантываў *асілак*, *волат* захоўваюць у сваёй структуры сему ‘моц, сіла вялікія памеры’: *Пушча — гэта плямёны **асілкаў**-дубоў.* (А. Куляшоў) *Шмат для людзей ты ўзраціла Дужых **асілкаў**-зуброў І незвычайнае сілы Коней сваіх — трактароў.* (М. Аўрамчык) *Такая прыказка ў народзе ходзіць: Мядзведзь — **асілак**, ды яго за губу водзяць.* (У. Корбан) *У акіяні Бурна воды нясе Горды **асілак** — Рака Енісей.* (В. Шымук) *Над яго галавой лясны **волат** раскінуў дужыя галіны.* (А. Ліс) *У сінім марыве ўзвышаюцца ледзяныя вершаліны **волатаў**-гор.* (Э. Самуйлёнак) Антрапамарфічныя ЛСВ полісемантаў *цар*, *царыца*, *кароль*, *каралева* трывала замацаваліся ў літаратурнай норме з абагуленым значэннем ‘тое (той), што (хто) вылучаецца сярод іншых у якіх-небудзь адносінах’. Семантычную парадыгму такіх полісемантаў утвараюць ЛСВ ‘звер’, ‘птушка’, ‘дрэва’, ‘сонца’, ‘вада’, ‘грыб’ і інш.

Шырокі сэнсавы дыяпазон полісеманта *бабуля* (*бабулька*) ахоплівае 8 неузואльных ЛСВ ‘старая вёска’ (А. Русецкі), ‘старая хата’ (З. Бядуля),

‘крывая вуліца’ (Д. Бічэль), ‘старое дрэва’ (Я. Колас), ‘зямля’ (К. Крапіва), ‘зіма’ (Р. Ігнаценка), ‘стома’ (Г. Каржанеўская), ‘смерць’ (А. Бялевіч), якія аб’яднаны агульнымі семамі ‘старасць’, ‘слабасць’, ‘зыход’. Антрапамарфічнай метафарызацыі лёгка падвяргаюцца кампаненты тэматычнай групы ‘радня’ (*бацька, сын, брат, сястра, блізныя, радня*), якія на аснове мнагамернай і шырокай асацыяцыі ‘што-небудзь блізкае, роднае, арганічна звязанае’ аб’ядноўваюць чалавека і акаляючае яго асяроддзе: дрэвы, расліны, грыбы, рэкі, крыніцы, хвалі, вятры, побач размешчаныя пагоркі, жывёлы, птушкі і інш. Прыродныя з’явы і аб’екты, якія характарызуюцца рухомасцю, зменлівасцю, гарэзлівасцю, інтэнсіўнасцю (вечер, шумлівы ручай, дождж, хваля, дым) у творах мастацкай літаратуры атаясамліваюцца са свавольнікам, гарэзам, жеўжыкам, забіякам, задзірам.

Чалавеку ўласціва адносіцца да прадметаў, якія суправаджаюць яго на працягу вялікага адрэзку часу, да якіх яны прызвычаліся, прывыклі як да сваіх сяброў. Менавіта таму многія пісьменнікі называюць *другам* бор вячысты (Я. Янішчыц), вечер (К. Кірэенка), паходную чарнілку (С. Новік-Пяюн), саху (Я. Купала); *сябрамі* – сонца (Н. Шклірава), дубы (Я. Колас), кнігі (Н. Гілевіч); *сяброўкай* – белую бярозу (С. Новік-Пяюн), хмарку (Д. Бічэль-Загнетава), любімую зорку (М. Хведаровіч), песню (А. Русак); *таварышам* – клён (А. Гінько), сланечнік (М. Капыловіч) і інш. Пісьменнікі даволі часта звычайныя прадметы, рэчы і з’явы прыроды надзяляюць якасцямі, уласцівымі чалавеку. Таму М. Арочка і А. Васілевіч матыгу і гліняны гаршчок называюць рабацягай, Г. Валкавыцкі месяц імянуе лодарам, С. Шах і Р. Шырма у ветры бачаць жартаўніка, Р. Панчанка і А. Ставер неч атаясамліваюць са змоўніцай, А. Кавалюк лес уяўляе мудрацом і тугадумам.

Сярод значнай колькасці антрапамарфічных метафар у асобную групу вылучаюцца традыцыйныя метафары-перыфразы, прадстаўленыя ўстойлівымі і звыклымі абазначэннямі *зязюля – вяшчунка, вяшчуння, варажбітка, чарадзеяка; зубр – цар Белавежы; воўк – санітар лесу; баравік – кароль грыбоў; дуб – патрыярх лясоў* і інш. Некаторыя спалучэнні з антрапамарфічнымі метафарами ў выніку іх частага ўжывання і значнага філасофскага зместу ператварыліся ў афарызмы: *Людская праца – уладар, Яна на свеце гаспадар!* (У. Дубоўка) *Жыццё – строгае, патрабавальнае і разважлівае гаспадыня.* (Я. Пярмяк) *Паўторыць тысячы разоў Імя адной адзінай, Яна, усеўладная любоў, Душ юных гаспадыня.* (А. Звонак) *Курганы – нямыя сведкі славы.* (У. Дубоўка) *Прайдзі мой край – усюды курганы, Нямыя сведкі вечнасці яны.* (Я. Крупенька) *Сняжынкi – прадвеснікі і разведчыкі блізкай зімы.* (А. Александровіч) *Шпакі – цяпла і сонца пасланцы.* (С. Грахоўскі)

Суадносіны паміж ЛСВ многіх антрапамарфічных субстантываў вызначаюцца не столькі традыцыйнымі схемамі і напрамкамі сэнсавых

мадыфікацый, колькі спецыфікай успрымання пісьменнікам рэчаіснасці, яго інтуітыўным адчуваннем нябачных ніцей і сувязей паміж самымі рознымі прадметамі і з'явамі. Такого рода індывідуальна-аўтарскіх метафар у творах мастацкай літаратуры нямала: *Ах, бедная! Стаіць [яблыня], калоціцца. Бледная, белая, Зімы палонніца.* (Я. Крупенька) *Бабыль-вечер на світанні Пойдзе ў свет шырокі, Пойдзе ў злосці, буркатанні Аглядаць валокі.* (Я. Колас) *Пастух нябесны, вечер, не гані так хутка хмары, Дай ім запыніцца.* (Р. Барадулін) *А сосны — рыцары ў шаломах, Крыніцы — вочы ўсёй зямлі.* (П. Броўка) *Зашыўся ў мох, цікуючы за мною, Баярын бору — горды баравік.* (Я. Янішчыц) *Яшчэ мне так не пеў ніхто, Як гэты чмель, Вядзьмак бухматы.* (В. Ракаў) *А сёлятняя восень была плакса: яна ахінала зямлю туманамі, засланяла сонца густымі хмарамі, якія сеялі і сеялі, як скрозь сіта, надакучлівую імжу.* (Р. Сабаленка) *Калматы вечер — араты мора, зярняты сееш ты ў пыл разораў.* (А. Русецкі) *І дождж Сявец — Выдатны намагаты Калгаснікам-аратым.* (М. Лужанін) *Дождж — мой даўні калега, Мой сааўтар элегій, Уначы нашаптаных, Недасланых каханай.* (А. Пісьмянкоў)

Такім чынам, антрапамарфічныя метафары шырока прадстаўлены ў творах мастацкай і публіцыстычнай літаратуры. Значная іх частка (каля 40 %) трывала замацавалася ў літаратурнай мове і пры наяўнасці мінімальнага кантэксту выразна ўспрымаюцца носбітамі мовы. Другая (большая) частка такіх метафар адносіцца да ліку індывідуальна-аўтарскіх (узвальна незамацаваных) і звязана з ідыятылем пісьменніка, яго уменнем знаходзіць у розных прадметах і з'явах агульныя рысы і якасці. Адною з асаблівасцей антрапамарфічных метафар лічыцца іх дэрывацыйная вытворнасць, залежнасць ад семантыкі ўтваральных адзінак, якімі ў сваёй большасці з'яўляюцца дзеясловы, прыметнікі і назоўнікі (*валацуга, бадзяга, вандроўнік, зыгнаннік, спявак, запявала, мудрэц, хітрун, маладзік, свавольнік, нахабнік, прыгажун, асілак, варажбітка, вяшчуння*). Па гэтай прычыне такія метафары ўтвараюць шырокія семантычныя парадыгмы з патэнцыяльным іх пашырэннем і ўключэннем новых ЛСВ, якія па сутнасці ў кожнай маўленчай сітуацыі з'яўляюцца канкрэтызатарамі шырокай і абагуленай семантыкі зыходных лексічных адзінак.

Заяўка на ўдзел у Міжнароднай навуковай канферэнцыі “Надзённыя
праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў”

Волынцова

Ольга Владимировна

Аспирантка БГПУ

О.В. Волынцова (Беларусь, Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка)

**МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Время и пространство являются основополагающими атрибутами нашего бытия, они не подвержены каким-либо объективным внешним изменениям. Но при всей стабильности экстралингвистической категории времени лексические и стилистические средства выражения концепта времени претерпевают значительные изменения, связанные с субъективным восприятием человека окружающей действительности. Категория времени тесно связана с экзистенцией человека, его мироощущением и происходящими историческими процессами, общим ускорением ритма жизни в связи с техническими достижениями, расширением знания об окружающем мире, осознанием человеком своей силы как равного Богу и принятием активной жизненной позиции.

Одно из самых очевидных свойств времени – то, что оно длится. Г.П. Аксенов пишет, что «длительность есть настолько ясное и заметное свойство времени, что чаще всего оно отождествляется со временем. Неосознанно подразумевается, что длительность и время - это одно и то же, хотя... время более многоаспектное явление, чем длительность, а последнее есть нечто бесструктурное, непрерывное, спонтанное, не имеющее ни начала, ни конца» [1, с 10].

В силу своей предельной абстрактности и явной очевидности для любого носителя языка время не всегда вписывается в привычную схему толкований, и для описания семантической структуры данного концепта часто используются метафоры. Метафорические ЛСВ дают возможность составить образное представление о времени через изучение самых различных ассоциаций, уподоблений и отождествлений с этим понятием.

Еще одно свойство времени, перед которым бессилен человек, - это его необратимость. Течение времени существует только в одном направлении и оттуда не возвращается. Необратимость есть непрерывное становление настоящего, его непрерывное возобновление, неотвратимое обновление. «Никакая

прошлая комбинация не повторяется. Нельзя вернуть прошлое, повернуть вспять и поменять местами прошлое, настоящее и будущее. Это свойство времени является самым эмоционально нагруженным предметом поэтическим и лирическим потому, что брэнность бытия больше всего влияет на нас, лично нас касается» [1, с 10]. Так, у Дж. Чосера время сравнивается с **потоком**, который никогда не возвращается:

-... *the tyme passeth night and day... As doth the stream, thot torneth never agayn.*

Время, объективно обладающее константными свойствами, в восприятии современного человека оказывается способным иногда изменять свои качества. Например, герой романа А. Мердок «Сон Бруно» Майкл под воздействием транквилизаторов видит, как время и пространство съеживаются: *His wide-open eyes see nothing, he Nigel, the all-seer, the priest, the slave of the god. Time and space crumple slowly.* В его видениях время приобретает субстанциональные свойства, оно становится **трещиной**: *Out of the dreamless womb time creeps in the moment which is no beginning at the end which is no end. Time is the crack. Darkness upon darkness moving, awareness slides from being.*

В воображении другого литературного персонажа, Бруно, старого, страдающего мучительной болезнью и много размышляющего о быстротечности времени, эта категория обретает качество «видимость»: *Time passed and Bruno watched it pass, his face contracted with a king of cunning. Time had never been visible to him before. He wept and looked at the slow movement of time and at the coloured pictures.*

Человек не может повлиять на ход времени или его свойства. Течение и воздействие времени неподвластно человеку. Но человек принимает время в его различных ипостасях и оценивает его в преломлении к себе и окружающим людям. Он воспринимает, чувствует, осязает влияние времени на себя и, следовательно, ощущает его материальность. Современный человек способен выразить свое отношение к определенному периоду, поре, моменту, течению времени. Отношение к категории времени как к чему-либо вещественному, материальному, в современном английском языке часто выражается сочетанием глаголов и существительных типа: *time drags*- время тянется; *time is calling*- время зовет; *time presses* – время не ждет; *time is knocking* - время стучит; *to play for time* - тянуть время; *the hour has struck* – час настал (пробил).

Метафоризация времени выявляется также в субстанциональных образах времени-лекаря, времени-знахаря. Время может быть наделено качествами субъекта, сознательно производящего что-то новое, до этого момента не существовавшее, либо самым существенным образом изменяющего уже созданное в направлении его улучшения (*time has made him stronger* – время его укрепило; *time is the best medicine* – время- лучшее лекарство (время лечит). Кроме того, время, как субъект, способно формировать в людях иное отношение к делам прошедшим. *Time, who will take over the most improbable arrangements and make them seem steady and commonplace took over this one* (Mur-

doch). Иногда категория времени выступает как объективная оценка прошедших и будущих событий. Оно расставляет все точки над *i* (время покажет). Наделение времени судьейской функцией определяется как одно из наиболее распространённых уподоблений времени в современном английском языке. *The experience with Miles altered me. Maybe for the worse, time will show* (Murdoch).

Когнитивная сфера «время», представленная в современном английском языке определенными семантическими полями времяобозначения, является доминантой по сравнению с пространством. К такому выводу приходит Г.Д. Гачев, аккумулируя знания философии, социологии, истории, экономики и других наук в изучении картин мира разных культур [2, с 17]. Вопреки утверждению Г.Д. Гачева, уравнение «время - деньги» все же стало девизом современного, мобильного, делового человека и в нашей стране. Время особенно ценится, запасы его ограничены, ибо в современной культуре понятие труда обычно связывается со временем, затрачиваемым на его выполнение, а время подлежит точному количественному измерению, труд людей обычно оплачивается согласно затраченному времени (по часам, неделям или годам). В славянской культуре метафора «время – деньги» успешно ассимилировала и проявляется весьма многообразно, о чем свидетельствуют многочисленные примеры типа время – деньги - *Time is money*. *Вы отнимаете у меня время - You are wasting my time; Это приспособление сэкономит вам много времени - This gadget will save you hours; Я не могу вам уделить времени - I don't have the time to give you; На что ты потратишь эти дни? - How do you spend, your time these days? Спущившая шина стоила мне часа работы - That flat tire cost me an hour; Я столько потратил на нее времени - I've invested a lot of time in her; Ваше время на исходе - You're running out of time; Вам нужно рассчитывать затраты своего времени - You need to budget your time; Стоит ли тратить на это свое время? - Is that worth your while? Много ли времени осталось у вас в распоряжении? - Do you have much time left? Вы не извлекаете выгоды из своего свободного времени - You don't use your time profitably; Я болел и потерял много времени - I lost a lot of time when I got sick. [3, с 28-29].*

Повременная оплата телефонных разговоров, почасовая оплата труда, тарифы за пользование гостиницей, годовые бюджеты, выполнение работы за определенный период времени – эти общественные установления относительно новы и существуют далеко не во всех культурах. Возникшие в современных индустриальных обществах, они глубоко пронизывают нашу повседневную деятельность. Мы относимся ко времени как к очень ценной вещи, как к ограниченным ресурсам и даже как к деньгам, и соответствующим образом осмысливаем его. Тем самым мы понимаем и переживаем время как нечто такое, что может быть истрачено, израсходовано, рассчитано, вложено разумно или безрассудно, сэкономлено или потрачено напрасно, иными словами, как нечто материальное.

Литература

1. Аксенов Г.П. Причина времени. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Изд. центр «Академия», 1998.
3. Лакофф Джордж, Джонсон Марк. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. И с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 256с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Заяўка на ўдзел у Міжнароднай навуковай канферэнцыі “Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў”

Шиманская

Ольга Юрьевна
Аспирантка БГПУ

О.Ю.Шиманская (Беларусь, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ С ПЕРВИЧНЫМ ЛСВ «ОГОНЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В лингвистической литературе большое внимание уделяется проблеме метафоры – и как процесса, создающего новые значения языковых выражений в ходе их переосмысления, и как уже готового результата метафоризации значения, ведь, по словам А. Ричардса, метафора – вездесущий принцип языка [1, с. 17].

Наибольший диапазон функций характерен для метафоры в естественном языке, где она творит имена, способные к идентификации уже существующих предметов, к формированию новых значений, отображающих абстрактные понятия (концептуальная метафора), к отображению оценки, «склеенной» с дескрипцией и эмоционально-оценочного отношения субъекта к тому, что метафорически отображается. Метафора – атрибут художественной речи, где она участвует в создании индивидуально-авторского видения мира [2, с. 5] и служит эстетической, а не собственно информативной цели.

Во всех языках существует множество метафорических переосмыслений, особую группу среди которых занимают номинации, объединенные семантическим центром «огонь». Устойчивые предметно-логические и синестезические (в т.ч. эмотивные) ассоциации находят выражение во множестве метафор, характеризующих, как правило, душевное состояние человека.

В данном семантическом поле могут быть выделены три основные доминанты: **огонь, свет, вспышка**. Лексико-семантические варианты (в дальнейшем – ЛСВ) каждой подгруппы представляют собой своего рода парадигму, характеризующуюся связью опорных слов и их вариантов: *огонь – искра, искорка, огонёк, огонь, пламя, пожар; вспышка – взрыв; свет – отсвет, лучик, луч, блёстки, отблеск, проблеск, блеск, сияние*. Внутри каждой парадигмы ЛСВ образуют своеобразную «шкалу интенсивности»,

компоненты которой выстраиваются в ряды в соответствии с отнесенностью номинации к явлению внеязыковой действительности (например, искра – «зарождение» огня, пожар – «всепожирающий» огонь), а также оттенками значений (огонёк – огонь – огонь):

На основе отнесенности номинации к явлению внеязыковой действительности можно выделить несколько метафорических групп:

1. Метафорическое сходство между процессом горения и переживаниями отражено в номинациях *огонь* (чувство, силой овладевшее кем-л., охватившее кого-л. и т.п.; страстность, живость, душевный подъем, пыл), *огонь*, *пламя* (пыл, воодушевление), *пожар* (бурное проявление чего-л., протекающее с сокрушительной силой),

2. Свечение и блеск как свойства огня являются основанием для метафорических преобразований типа *блеск* -- яркое проявление каких-л. достоинств, способностей и т.п.; *отблеск* -- след, отражение, отпечаток чего-л.; *отсвет* -- отражение, внешнее проявление испытываемых чувств, переживаний; *проблеск* -- отдельные проявления чего-л. (способностей, чувств и т.п.); *свет* -- блеск глаз под влиянием какого-л. чувства, радостное, ясное выражение лица; *сияние* -- блеск глаз, радостно-возбужденное выражение лица, вызываемые восторгом, счастьем.

3. Вторичные номинации часто возникают на базе исходных ЛСВ субстантивов *луч* и *искра*: *искра* -- проблеск, зачаток какого-л. чувства, способности и т.п.; яркое проявление каких-л. способностей, дарования; *луч*, *лучик*-- быстрое, неожиданное проявление, проблеск чего-л.

4. Субстантив «вспышка», обозначающий внезапное воспламенение, а также непродолжительный яркий свет, используется в переносном значении для динамической характеристики протекания того или иного психологического состояния: *вспышка* – внезапное проявление раздражения, возмущения; *взрыв* – внезапное бурное проявление какого-л. действия или чувства.

Результаты симилиативного варьирования семантики слова нередко принимают неузуальный характер, и большое количество потенциальных переносных ЛСВ образуется по тем или иным метафорическим моделям. Страсть и чувство как причина переживаний, отражаемых в поэзии, в пер-

вую очередь ассоциируются с огнем: *жар, зной, огонь, огонь, пламень, пламя, пожар, пыл, искра, очаг, пепел, чад*. Так, одно из самых сильных чувств, известных человечеству характеризуется словами *жар, костер, огонь, огонек, пламень, пламя, пожар, полмя, пыланье, пепел, искра, луч, свет*, некоторые из которых не закреплены узуально в данном значении: *костер, пыланье* (Ф. Сологуб).

Выражение эмоций и чувств получает свое выражение в глазах, которые часто называют зеркалом души. Поэтому часто употребляются конструкции с опорным компонентом *глаза (очи)* и их сигнализаторами типа *жар, искра, костер, луч, огонь, огонек, огонь, пламень, пламя, пожар, полыханье, угли; блеск, мерцанье, сверканья, свет, сиянье, отблеск*.

Модель семантического варьирования «огонь / свет / вспышка + чувство / глаза» является продуктивной, многие ЛСВ такого типа закреплены узуально, еще больше – используются и создаются в поэтической речи. Очевидно также, что для поэзии характерно не только большее количество метафор с семантическим центром «огонь», но и более свободное сочетание их со словами самых различных тематических групп.

Литература

1. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры: Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Наука, 1990.
2. Иванова Н.Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.): Более 4500 образных слов и выражений / Н.Н. Иванова, О.Е. Иванова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

ЗАЯВКА

на участие в конференции

Организация Барановичский государственный университет

Ф. И. О. Рыбалтовская Наталья Леонидовна

Аспирантка Барановичского госуниверситета

Тема доклада Специфика гендера в лингвистике

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Рыбалтовская Н.Л. (Беларусь, Барановичский государственный университет)

СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРА В ЛИНГВИСТИКЕ

В современной отечественной лингвистике в последние десятилетия особую актуальность приобретает проблема «пол и язык». «В центре внимания этих исследований находятся социальные и культурные факторы, определяющие отношения культуры и общения к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах – все, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры» [3; с.47]. Эта категория, как не раз отмечали исследователи, не является чисто лингвистической. Термин был введен в 60-70 годы и использовался вначале в истории, социологии, затем термин восприняла и лингвистика.

В лингвистике понятие «гендера» появилось во второй половине XX века. Первые работы в данной области, а также первые системные описания мужских и женских особенностей речи и языка возникли на Западе. Только в конце 80 – начале 90 годов в отечественной лингвистике начались первые систематические исследования данной тематики. И уже в настоящее время появилась новая отрасль, так называемая, лингвистическая гендерология или гендерная лингвистика.

Гендерные исследования в российской лингвистике находятся в стадии становления, наблюдаются многочисленные дискуссии по методологическим вопросам описания гендера. Цель современных обсуждений – попытаться представить общую, достаточно противоречивую картину существующих сегодня направлений и тенденций развития данного течения.

Один из обсуждаемых вопросов заключается в том, имеет ли смысл разграничивать понятия «пол» и «гендер». Разграничение связано с исключением биологического детерминизма, который приписывает все социокультурные различия, связанные с полом, универсальным природным фактором. Гендер служит своего рода маркированной проблемой области, указывая на то, что речь идет о социальных и культурных коррелятах пола.

Термин «гендер» понимается и как представление отношений, показывающих принадлежность к классу, группе, категории. Гендер конструирует отношения между одним объектом (или существом) и другими, ранее уже обозначенными классами (группой); это отношение принадлежности [1; с.84].

Некоторые исследователи считают, что разница между понятиями «пол» и «гендер», в сущности, кроется в различии биологического и социального аспектов. Биологические различия (половые признаки) закладываются внутриутробно, сразу после зачатия. Разные гениталии, как и дру-

гие индивидуальные признаки (тип крови, отпечатки пальцев), развиваются у утробного плода и остаются неизменными на протяжении всей жизни.

Концепт «гендер» привлекает внимание многих научных дисциплин – «прагматики, теории коммуникации, когнитивной лингвистики, лингводидактики и лингвокультурологии». В настоящее время есть уже определенная схематизация направлений гендерных исследований, которая позволяет прояснить ситуацию становления новой научной дисциплины – «лингвистической гендерологии».

Основываясь на системном анализе проблем лингвистической гендерологии, А.В. Кирилина [3; с.56] выделяет шесть основных направлений: социолингвистические гендерные исследования; феминистская лингвистика; гендерные исследования, изучающие языковое поведение обоих полов; исследование маскулинности [возникшее только в конце XX века]; психолингвистические исследования; кросскультурные и лингвокультурологические исследования.

Однако данная классификация является весьма условной, так как всем перечисленным направлениям свойственна похожая проблематика и объект исследования. Например, в качестве объекта исследования выделяют взаимоотношение языка и пола, т. е. Как пол проявляется в языке, какие оценки в языке выражают мужчины и женщины и в каких семантических областях они наиболее распространены. Изучение речевого поведения полов, выделение и описание особенностей мужского и женского речевого рисунка можно определить как цель гендерных исследований в языке. Следует отметить, что часто гендерные исследования в языкознании обладают междисциплинарным и сопоставительным характером, а также, что любая область лингвистики может быть подвергнута рассмотрению с гендерных позиций.

Особого внимания заслуживает тот факт, что гендерная проблематика в языкознании имеет ярко выраженный прикладной характер, о чем свидетельствует большое количество успешных попыток в рамках языкового планирования и реформирования языка [3; с.56]. На гендерные различия в русском языке ранее указывал еще Р.И. Аванесов: «Различия в языке, связанные с возрастом и полом говорящих, могут касаться также фонетики и грамматики. Они тоже имеют социальный характер (а не биологический). Первые – потому что в одно и то же время отражают (например, в семье) речь 3-4 поколений, различия в которой обусловлены развитием общества в течение примерно полувека. Вторые – потому что в старой деревне мужчины и женщины находились в разных условиях: женщины в значительно большей степени были «домоседами», нередко вовсе не выезжали за пределы ближайшей округи, в то время как мужчины отлучались значительно больше и часто надолго – служили в армии, занимались отхожими промыслами, ездили на зиму на заработки в город и т.д. Отсюда и различия в языке мужчин и женщин. Язык мужчин был богаче, нередко

лишен наиболее ярких диалектных особенностей, включая в себя элементы городские, в то время как язык женщин был беднее и более стойко придерживался диалектных норм» [2; с. 383].

Итак, разграничивая понятия *пол* и *гендер*, мы определяем пол как биологическую принадлежность личности, а гендер – как социальный компонент психологической модели поведения. Гендер может быть определен как измерение социальных отношений, укорененное в данной культуре. В нем, как и в любой научной модели, есть компоненты, подверженные изменениям. В каждом обществе, особенно многокультурном и многонациональном, обнаруживается гендерное разнообразие. Это означает, что предписания и исполнения, соответствующие маскулинности и феминности, могут быть различны для разных поколений, разных этнокультурных и религиозных групп, разных слоев общества. Очевидно, что появление термина «гендер», введенного в лингвистическое описание сравнительно недавно «с целью подчеркнуть социальные аспекты пола и связанные с ним культурные традиции и стереотипы, самым непосредственным образом влияющие на поведение и самоидентификацию личности» [5; с.7], становится закономерным компонентом не только социологических, но и лингвистических исследований. Следует отметить, что некоторые лингвогендерные исследования значительно превосходят зарубежные по детальности, аргументированности и результативности, в частности потому, что в их основе лежат иные философские, социальные, психологические и психолингвистические принципы.

Литература

1. Абубикирова Н.И. «Что такое гендер?» Женщина в обществе: мифы и реалии. Сборник статей / Редактор – составитель Крушинг Л.С. – М.: Информационная – XXI век, 2000. – с. 84-87.
2. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. – М.: Просвещение, 1984. – 383 с.
3. Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. – М., 2000. – с. 47-81.
4. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Издательство «Институт социологии РАН», 1999.
5. Халеева И.И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. – Вып. 446. М., 1999. – с. 7-14.